

Лонгинов Аркадий Васильевич

Слово о полку Игореве

**Текст и перевод по изданию
Мусина-Пушкина с
объяснением непонятных
выражений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А82

А82 **Аркадий Васильевич Л.**
Слово о полку Игореве: Текст и перевод по изданию Мусина-Пушкина
с объяснением непонятных выражений / Лонгинов Аркадий Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 123 с.

ISBN 978-5-519-93871-6

ISBN 978-5-519-93871-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что печатный оттискъ 1800 г., если и изгладилъ кое-гдѣ надстрочные знаки, то все-таки позволяетъ буквально возстановить относящійся, по авторитетному заключенію Карамзина, къ концу XV вѣка оригиналъ съ его лексическими особенностями: „Ярословъ, живая струны, рѣтко, отвори, въшумѣ, втрискоташа, воззни, оужинѣ, головы, Всеволодѣ, славѣ, мужаимѣся, Даждбогъ и Дажьбогъ, жля, своя хоти, не было-нѣ, Ростиславя, Путивлу городу“. Оказывается, что прибѣгавшіе безпрестанно къ прихотливымъ и легкомысленнымъ поправкамъ ученые, не овладѣвъ вполне пѣсенными тонкостями Слова (опущеніе иногда глагольныхъ окончаній и т. под.), не доискавшись его источниковъ и не собравъ достаточное количество научныхъ справокъ, сами не сумѣли утилизировать изданіе Мусинъ-Пушкина, долженствующее замѣнить сгорѣвшую въ 1812 г. подлинную рукопись, и затемнили текстъ не подлежащимъ, а иногда и нелѣпымъ его чтеніемъ. Ясную рѣчь Игоря Святославича къ брату Всеволоду Трубчевскому, гдѣ „Всеволодъ“— русск. форма зват. пад., какъ и въ воззваніи: „Инъгварь и Всеволодъ!“..., вложили въ уста Всеволода Святославича, Курскомъ никогда не владѣвшаго, а потому и не говорившаго о *своихъ курянахъ* (См. мое Историч. изслѣдов. Слова, стр. 175—185), смѣшали два стиха, далѣе мною приведенные, о вторженіи половцевъ въ русскіе предѣлы „на седьмомъ Трояновомъ вѣкѣ“ съ былинною о Всеславѣ Полоцкомъ, начинающуюся бросаніемъ жребія о любой дѣвицѣ—Кіевѣ, превратили распущенныхъ лебедей (съ распущенными крыльями) въ распуженныхъ, Карну и Жлю (Желю) въ половецкихъ хановъ, деремелу (гл. дремати) въ несуществовавшее племя такого названія, русскаго Трояна—или въ Бояна, или въ Краяна, или въ императора Траяна, русскихъ дѣвицъ—въ поющія копыя, кагана—въ пѣвца. Шишковъ умудрился „хоботы“ замѣнить чоботами, а Келтуялъ въ своей хорошей Исторіи древне-русской литературы слѣдующей фантазмагоріей пересказываетъ сонъ вел. князя Святослава: „Я видѣлъ, что *бѣжала дѣбрь Кисаню* и что я не могу *сдвинуть ее обратно* къ синему морю“... Многому-ли могъ научить даже Н. Тихонра-

пусковъ текстуальныхъ. Замѣчу, однако, что повѣствованіе о походѣ Игоря соединено было, кажется, съ повѣствовательною пѣснью о походахъ давнихъ князей, до насъ не дошедшею и служившею введеніемъ къ разсказу о походѣ Игоря, связанному съ дѣяніями Владиміра Мономаха. Это обнаруживается первыми-же стихами и нѣсколькими изъ послѣдующихъ стиховъ Слова:

Не лѣпо ли ны *бѣшетъ*, братіе,
Начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий
 —О пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?...
Начати же ся тѣй пѣсни
 По былинамъ *сего времени...*
 Почнемъ же, братіе, повѣсть *сію*
 Отъ стараго Владиміра
 До нынѣшняго Игоря...
Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
 А *потомъ* молодымъ пѣти (пѣснь)...

Думаю, что двѣ пѣсни, одна о походахъ многихъ старыхъ князей, другая—о походѣ Игоря, нѣкогда распѣвались въ полномъ ихъ объемѣ, послѣдовательно и совмѣстно, въ Кіевѣ, при великокняжескомъ дворѣ. Съ теченіемъ времени, еще при жизни Игоря Святославича († 1202 г.), повѣствованіе собственно о его походѣ, задѣвающее эпоху Владиміра Мономаха, съ былиной о Всеславѣ Полоцкомъ, выдѣлилось, въ Сѣверскомъ и Галицкомъ княжествахъ, изъ пѣсеннаго свода, подобнаго лѣтописному своду Сильвестра, безъ существеннаго редакціоннаго измѣненія, отъ подробнаго повѣствованія о другихъ старыхъ князьяхъ и пѣлось отдѣльно. Текстъ Слова собственно о походѣ Игоревомъ, являющійся самъ по себѣ, несомнѣнно, цѣльнымъ и стройнымъ, безъ пропусковъ и перепутанности стиховъ, какъ это признавалъ еще П. Сахаровъ (Сказ. русск. нар. 1841 г., т. I, стр. 55), очень мало поврежденъ переписчиками и съ точностью переданъ первыми издателями. Мусинъ-Пушкинъ не понималъ нѣкоторыхъ выраженій Слова, но, инстинктивно сознавая его важность, воспроизвелъ текстъ, съ постороннею помощью свѣдущихъ въ палеографіи Малиновскаго и Бентышъ-Каменскаго, такъ,

что печатный оттискъ 1800 г., если и изгладилъ кое-гдѣ надстрочные знаки, то все-таки позволяетъ буквально возстановить относящійся, по авторитетному заключенію Карамзина, къ концу XV вѣка оригиналъ съ его лексическими особенностями: „Ярословъ, живая струны, рѣтко, оттвори, въшумѣ, втрискоташа, воззни, оужинѣ, головы, Всеволодѣ, славѣ, мужаимѣся, Даждбогъ и Дажьбогъ, жля, своя хоти, не было-нѣ, Ростиславя, Путивлу городу“. Оказывается, что прибѣгавшіе безпрестанно къ прихотливымъ и легкомысленнымъ поправкамъ ученые, не овладѣвъ вполне пѣсенными тонкостями Слова (опущеніе иногда глагольныхъ окончаній и т. под.), не доискавшись его источниковъ и не собравъ достаточное количество научныхъ справокъ, сами не сумѣли утилизировать изданіе Мусинъ-Пушкина, долженствующее замѣнить сгорѣвшую въ 1812 г. подлинную рукопись, и затемнили текстъ не подлежащимъ, а иногда и нелѣпымъ его чтеніемъ. Ясную рѣчь Игоря Святославича къ брату Всеволоду Трубчевскому, гдѣ „Всеволодъ“— русск. форма зват. пад., какъ и въ воззваніи: „Инъгварь и Всеволодъ!“..., вложили въ уста Всеволода Святославича, Курскомъ никогда не владѣвшаго, а потому и не говорившаго о *своихъ курянахъ* (См. мое Историч. изслѣдов. Слова, стр. 175—185), смѣшали два стиха, далѣе мною приведенные, о вторженіи половцевъ въ русскіе предѣлы „на седьмомъ Трояновомъ вѣкѣ“ съ былинною о Всеславѣ Полоцкомъ, начинающуюся бросаніемъ жребія о любой дѣвицѣ—Кіевѣ, превратили распущенныхъ лебедей (съ распущенными крыльями) въ распуженныхъ, Карну и Жлю (Желю) въ половецкихъ хановъ, деремелу (гл. дремати) въ несуществовавшее племя такого названія, русскаго Трояна—или въ Бояна, или въ Краяна, или въ императора Траяна, русскихъ дѣвицъ—въ поющія копыя, кагана—въ пѣвца. Шишковъ умудрился „хоботы“ замѣнить чоботами, а Келтуялъ въ своей хорошей Исторіи древне-русской литературы слѣдующей фантазмагоріей пересказываетъ сонъ вел. князя Святослава: „Я видѣлъ, что *бѣжала дебрь Кисаню* и что я не могу *сдвинуть ее обратно* къ синему морю“... Многому-ли могъ научить даже Н. Тихонра-

вовъ, если рѣшился объявить столь употребительное „подобію“ явной опиской, „свычая“ объяснилъ въ своемъ Словарѣ „вдовствомъ“, „текотъ“ дятла (ключомъ объ деревѣ) крикомъ, „трѣснути“ (ударить)—глаголомъ звучать, „боронъ“ (оборона)—передовымъ отрядомъ (Слово о п. Игоревѣ для *учащихся*)? Не говорю уже о такихъ изданіяхъ, какъ И. Глазунова, подъ редакціей А. Чудинова, гдѣ „сулица“ значитъ остріе копья, „лозіе“—тростникъ, „шерешіры“—порода рыбъ, и т. под. Аляповатыми передѣлками Слова и П. Владиміровъ умалилъ достоинство своего капитальнаго труда (Древн. русск. литерат. Кіевск. пер., стр. 301, 304, 345, 350, 354 и др.). Возьмемъ теперь изданіе нашей *Академіи Наукъ*. Ѳ. Коршъ безцеремонно подставляетъ „рысью“ вмѣсто „мыслію“,—„ратнымъ“ вм. „раны“,—„отъяла“ вм. „спала“,—„Всеволодъ“ вм. „Всеволождъ“,—„издалечя“ вм. „давеча“,—„съ Трикусы“ вм. „стрикусы“,—„не быть“ вм. „не мыслію“, и т. д. (Слово о п. Игоревѣ. Изд. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1909 г.). Источники Слова донинѣ остаются почти нераскрытыми, а потому въ наукѣ водворились весьма смутныя понятія о постороннихъ вліяніяхъ на творчество его автора.

Въ мой анализъ Слова о полку Игоревѣ вовсе не входитъ намѣреніе умалить заслуги лицъ, специально и серьезно занимавшихся этимъ произведеніемъ. Наоборотъ, я высоко цѣню ихъ труды, во всякомъ случаѣ облегчающіе его изученіе. Надѣюсь, и мнѣ не поставятъ въ вину усвоеніе, въ предпріятіи мною новымъ изданіи Слова, самостоятельной точки зрѣнія на источники Слова, его загадочную терминологию, мифологическую стихію и смыслъ тѣхъ его выраженій, которыя историкомъ Соловьевымъ, Буслаевымъ, Максимовичемъ, кн. Вяземскимъ, Барсовымъ, Потемней, О. и В. Миллерами, Тихонравовымъ, Ждановымъ, Прозоровскимъ, Огоновскимъ, Петрушевичемъ, Владиміровымъ и многими другими слишкомъ поспѣшно признаны искаженными по небрежности переписчиковъ и оплошности первыхъ издателей, или-же, какъ то утверждалъ Стоюнинъ, *по невѣжеству* самого автора повѣсти.

Отдавая Слову о полку Игоревѣ преимущество предъ всѣми остальными произведеніями древне-русской литературы, разумѣю, кромѣ художественныхъ качествъ, указанныхъ лучшими его характеристиками, его роль *научную и воспитательную*.

Случайная находка Слова *обогатила отечественную науку*. Ему отводится почетное мѣсто въ обзорахъ русской словесности, въ исторіи русскаго государства, русской церкви и въ ученыхъ монографіяхъ. Къ счастью, открыть Мусинъ-Пушкинымъ неизсякаемый родникъ, изъ котораго почерпается обильный и разнообразный научный матеріалъ вплоть до восьмидесятыхъ годовъ XII столѣтія, начиная съ княжескихъ усобицъ, происшедшихъ при Ярославѣ I, возобновившихся при сыновьяхъ его Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ и прогрессивно затѣмъ возраставшихъ. „Историкъ русской жизни и быта, государственности и культуры“, справедливо говоритъ Е. Пѣтуховъ, „можетъ почерпнуть изъ Слова богатый матеріалъ, благодаря реализму этого произведенія, разнообразію наблюдательности его автора, глубинѣ и ясности его поэтичнаго міросозерцанія“ (Русск. литер. Древн. періодъ, 108). Слово облегчаетъ пониманіе жизни, духа, обычаевъ, нравовъ и вѣрованій русскаго народа, продолжавшаго въ наибольшей степени тяготѣть къ матери городовъ русскихъ, средѣ Русской земли—Кіеву.

А вѣстона бо, братіе, *Кіевъ* тугою,

А Черниговъ напастьми...

Печаль жирна тече *средь земли Рускыи*...

Еще Святославъ Игоревичъ молвилъ: „не любо ми есть *въ Кіевъ* быти... *...то есть среда* земли моей“ (Подробн. въ моемъ соч. „Мирн. догов. русскихъ съ греками, заключ. въ X в., стр. 8 и слѣд.). Слово, написанное стихами, приспособленными къ пѣнію, служить художественною иллюстраціею сухой, за небольшими изъятіями, монашеской Повѣсти временныхъ лѣтъ, но содержитъ въ себѣ не мало опущенныхъ лѣтописью фактическихъ данныхъ. Пѣсенный рассказъ о походѣ Игоря ярко обрисовываетъ семейный, хозяйственный,

военно-дружинный, правовой и религиозный бытъ русичей, отчасти-же дополняетъ лѣтопись любопытными чертами, касающимися и личностей князей удѣльнаго періода, и цѣлыхъ княжествъ—Кіевскаго, Черниговско-Тмутороканскаго, Переяславскаго, Сѣверскаго, Полоцкаго, Городенскаго, Волынскаго, Суздальскаго и Галицкаго. Во всѣхъ поименованныхъ княжествахъ издавна слагались служившіе автору Слова подспорьемъ при его составленіи пѣсни „вѣтіями“, прославлявшими боевые подвиги, величая „крѣпко мужествовавшихъ въ брани“ (Кириллъ Туровскій и лѣтоп. подъ 1103, 1111, 1152, 1176, 1186 г.). Польскій историкъ Длугошъ приводитъ, по - латыни, отрывокъ русской дружинной пѣсни въ честь Мстислава Мстиславича Удалого, сочиненной незадолго до появленія на историческомъ горизонтѣ „словутнаго пѣвца Митуси“, пострадавшаго за свое безпристрастіе (Ипат. 1241 г.). Русичи превозносили въ ней до небесъ могучаго *сокола*, великаго и доблестнаго своего господина, поправшаго враговъ, предвкушавшихъ побѣду въ надеждѣ его одолѣть (Hist. Pol., подъ 1209 г.). Исконная связь Кіевской и Галицкой Руси, прочно установившаяся еще при Ярославѣ, поддерживается въ Словѣ горами Угорскими и рѣкой Дунаемъ, на которомъ Кій построилъ г. Кіевецъ и до котораго „суды рядилъ“ отворявшій Кіеву ворота Ярославъ Владиміровичъ Галицкій, тестъ Игоря Святославича. Изображенные въ Словѣ: посѣвъ и ростъ княжескихъ усобицъ—*„сами на себѣ“* крамолу коваху“, взиманіе половцами дани съ русичей „по бѣлѣ отъ двора“, наклоненіе древа къ землѣ „стугою“ (сокрушеніемъ), отрицательное уподобленіе въ изображеніи Бояновой игры на гусяхъ, бросаютъ свѣтъ и на подкладку лѣтописныхъ преданій, отличающихся народнопоэтическимъ стилемъ. Таковы преданія о племенныхъ раздорахъ—„быша въ нихъ усобицѣ, — воевати почаша *сами на ся*“,—поведшихъ къ призванію заморскихъ варяговъ, о взиманіи ими съ покоренныхъ племенъ, въ томъ числѣ *сѣверянъ*, дани „по бѣлѣ отъ дыма“ (двора), о величаніи деревлянскихъ пословъ, при сокрушеніи („сустугахъ“) кіевлянъ отъ убійства Игоря Рюриковича: („намъ невольнo, князь нашъ убіенъ“) о томъ, почему словене,

отплывшіе изъ Византіи на паволочитыхъ парусахъ, подшучивали, что имъ „не даны суть прѣ паволочитыя“, т. е. не дались паруса, „имемся своимъ толстиномъ“ (отрицательное уподобленіе), объ обогащеніи русичей „всякимъ греческимъ узорочьемъ“ (907 г.), и т. под. Въ преданіяхъ этихъ слышится отголосокъ давнѣйшихъ дружинныхъ пѣсенъ, которыми воспользовался начальный лѣтописецъ, точно также какъ и въ разновременныхъ причитаніяхъ Ольги, князей и дружины: „уже мнѣ мужа своего не крѣсити..., уже мнѣ сихъ не крѣсити..., уже намъ не воскресить брата своего..., Сего намъ уже не крѣсити“ (Ипат. лѣтоп. подъ 945, 1015, 1048 г.). Въ Словѣ подобный-же припѣвъ:

А Игоревъ храбраго плѣку не крѣсити!

Повидимому, знаменитые походы русичей на грековъ воспѣвались и на пирахъ при Владимірѣ св.: „Добрыня струну натягиваль (одну) отъ Кіева, другую—отъ Царяграда... Онъ выигрываль наигрыши... что изъ Кіева и до Царяграда“.—Таковы варианты въ былинахъ о Добрынь Никитичѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Ставрѣ и Садкѣ (Кириша Даниловъ, Рыбниковъ, Гильфердингъ и др.).

Хронологія Слова, несмотря на большое количество накопленныхъ и разбросанныхъ въ немъ происшествій, крайне упрощена. Въ сжатомъ обзорѣ выдающихся событий, охваченныхъ, по выраженію Е. Барсова, „творческимъ гениемъ автора“, а также въ прочувствованномъ разсказѣ обстоятельствъ, предшествовавшихъ походу на половцевъ въ 1185 г. Игоря Святославича Новгородъ-Сѣверскаго съ братомъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ Рыльскимъ, и его сопровождавшихъ, выдѣляются два, свиваемыхъ анонимнымъ авторомъ Слова поэтической пеленою обширныхъ періода княжескихъ усобицъ въ теченіе около 160 лѣтъ, *старое* и *новое* („сіе“) время. Старое время, восходящее къ первой половинѣ XI столѣтія (борьба Ярослава I съ братомъ Мстиславомъ Тмутороканскимъ и племянникомъ Брячиславомъ Изяславичемъ Полоцкимъ въ 1021—1026 г.) и слѣдовавшія по смерти Ярослава I событія, частью

воспѣты Велесовымъ внукомъ Бояномъ. Былины „сего“ времени имѣють предметомъ происшествія позднѣйшія, включая совершившіяся при сынѣ Всеволодовомъ—старомъ Владимірѣ (Мономахѣ), нѣкогда „каждое утро закладывавшемъ уши въ Черниговъ“ наподобіе глухого аспида, дабы не слышать звона оружія двоюроднаго его брата Олега Святославовича (Слово, Соф. лѣт., т. IV, 8, и Псалтырь), при попыткѣ Олега отвоевать свою отчину Черниговъ, назначенный, съ Тмутороканью, Ярославомъ I въ удѣлъ сыну Святославу, возвращенный Олегу въ послѣдствіи Мономахомъ (1094 г.) и окончательно закрѣпленный за Олегомъ на Любечскомъ съѣздѣ князей (1097 г.). Въ поступательномъ движеніи обиды, поднявшаяся въ силахъ Трояновыхъ около половины XI столѣтія, завершила губительное шествіе свое у р. Каялы. Новыя былины обнимають и пору усобицъ между Ольговичами и „Влодиміричами“ по смерти Мономаха (1125 г.) почти до конца XII столѣтія, преимущественно изъ-за обладанія Кіевскою и Черниговскою волостями. Посѣтивъ „дѣвою“ (въ дѣвствѣ) Русскую землю, она оперилась, упрочилась и осмирѣла благодаря измѣнническому союзу Олега Святославича съ половцами. Отъ княжескихъ усобицъ, продолжавшихся и разроставшихся по его смерти († 1115 г.), Русь постепенно утрачивала способность отбивать нападенія литовцевъ изъ сосѣдней съ Полоцкою областью сѣверо-западной окраины и выдерживать непрерывные со всѣхъ сторонъ набѣги половцевъ изъ занятыхъ ими Корсуня (Тв. лѣтоп. 177), южнаго Приднѣпровья и Придонской области. Днѣпръ словутичъ, сдавленный кочевниками, пробилъ каменные горы

Сквозъ землю Половецкую...

Такъ сбывалось предостереженіе проницательнаго Владиміра Мономаха, когда онъ узналъ объ ослѣпленіи Василька Ростиславича въ 1097 г.: „больше зло встанеть въ насъ и начнетъ братъ брата заколати, и погыбнетъ земля Русьская“. „Пользуясь тѣмъ, что „князи не въ любви живутъ“, радуясь ихъ „свадѣ“, половцы грабили Подунайскіе города вмѣстѣ съ Иваномъ Берладникомъ,

затѣмъ заняли торговые пути Греческій, Соляной и Залозный (Ипат. 171, 203, 206, 209, 341, 360, Лавр. 245, 287—290 и слѣд.).

О, стонати Руской земли,
Помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей!

Только чрезъ 10 лѣтъ, послѣ вторичнаго безуспѣшнаго похода Игоря съ братьею на половцевъ въ 1191 г., Ростиславъ Рюриковичъ очистилъ отъ нихъ окрестности Днѣпра, возвратившись „съ честью и славою великою“ (Ипат., 452 и 456). Новое время обрывается на моментъ прибытія въ Кіевъ „нехвальнымъ путемъ“, чрезъ г. Донецъ, освободившагося изъ половецкаго плѣна Игоря Святославича, посѣщенія имъ храма Богородицы Пирогощей и снаряженія князей на поганыхъ

За раны Игоревы, буюго Святѣславлича...

Сходство старой и новой поры, по гибельнымъ результатамъ княжескихъ усобицъ, помогло автору Слова завязать эпическимъ узломъ, объединить давнопрошедшія событія съ событіями, примыкающими къ походу 1185 г., провести въ историко-миѳологическомъ освѣщеніи поэтическую аналогію между прежними бѣдствіями, причиненными Трояну, и позднѣйшими—потомку Трояна Игорю Святославичу княжескими раздорами, открывшими кочевникамъ ворота въ Русскую землю. Походъ Игоря къ Тмутороканю вызываетъ у автора Слова воспоминаніе и о *давномъ* звонѣ, раздававшемся изъ Тмуторокани при Ярославѣ I. Оттуда-же совершалъ походы Олегъ Святославичъ, вступая „въ златъ стремянь“. Преемственность событій не строго соблюдена въ Словѣ, но ихъ не трудно привести въ систематическій порядокъ при помощи лѣтописей. Центральное мѣсто на обширной аренѣ княжескихъ усобицъ отведено крамоламъ при Олегѣ Святославичѣ, продолжавшимся около 35 лѣтъ:

Тогда, при Олзѣ *Гориславличи*
Сѣяшется и растяшеть усобицами...

Добавивъ къ отчеству Олега „Святославличъ“ народное прозвище „Гориславличъ“ (выраж. „при Горис-

лавлича“—правильная церковно-слав. форма), авторъ Слова подводитъ насъ къ легендѣ о присвоеніи прозванія „Горислава“ дочери убитаго Владиміромъ святымъ Полоцкаго князя Рогволода Рогнѣдѣ, матери Яро-слава I, Мстислава Тмутороканскаго и Изяслава, предка Всеслава Полоцкаго (Лавр. и Радзив. лѣтоп., подъ 980 и 1128 г.). Добавленіе къ имени, данному при крещеніи, особаго прозвища часто практиковалось въ древней Руси, напр. дочь Рюрика Ростиславича Ефимью прозвали Изма-рагдомъ (Ипат. 474).

Свивая событія XI и XII в., Слово сохранило отголоски весьма древнихъ преданій о разныхъ племенахъ и лицахъ: а) о *гуннахъ*—хиновѣ („Супове“ въ рочникѣ Мѣховскаго монастыря, подъ 1300 г.), которые почитались плодомъ связи адскихъ духовъ со скиѣскими вѣдьмами и къ которымъ Слово приобщаетъ родственныхъ имъ половцевъ, носившихъ „шеломы *аварскіе*“, б) о Черно-морскихъ *готахъ*, поселившихся на югѣ въ III в., пора-бощенныхъ въ XI в. половцами и лелѣявшихъ мсть половецкаго князя „Шароканя“ стараго за поражение его Владиміромъ Мономахомъ въ 1107 г., в) о царѣ славян-скаго племени *антовъ* Боусѣ (Booz), разбитомъ въ IV стол. наслѣдникомъ Эрманариха, правителемъ остроготовъ Винитаромъ (Юрнандѣ), и г) о *венедяхъ*, подъ именемъ коихъ извѣстны были у иноземныхъ писателей многія славянскія племена. Потомки венедовъ „*венедици*“ вос-хваляли Святослава Кіевскаго. Авторъ Слова устами этого князя превозноситъ *прадѣдную* славу Чернигов-скихъ былей, и т. под.

Упомянутыя преданія донеслись къ автору Слова чрезъ посредство, вѣроятно, дружинныхъ глашатаевъ про-славленныхъ походовъ X столѣтія русичей на грековъ, по обычаю распѣвать похвальные пѣсни предъ князьями (Поуч. преп. Θεодосія, „Иларіонъ и лѣтописи“). Тогда греки трубами пускали *на моръ* съ кораблей живой огонь — „жи-вые шерешеры“ (сѣро-ширы, ср. „шизымъ“ вм. сизымъ), т. е. снаряды съ примѣсью сѣры („шера“ у Данила палом-ника и въ зап.-русск. актахъ, Вил. Ком., т. XXI, № 475 и др.), какими въ 1184 г., пуская въ дѣло съ Волжскими болгарами Глѣбовичей Рязанскихъ или *Резанскихъ* Ро-